

Завораживающие
детективы
**Виктории
Платовой**

**ВИКТОРИЯ
ПЛАТОВА**

**Корабль
призраков**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*

Иллюстрация на обложке *Ф. Барбышева*

Платова, Виктория Евгеньевна.

ПЗ7 Корабль призраков / Виктория Платова. —
Москва : Издательство «Э», 2017. — 576 с.

ISBN 978-5-04-089593-9

Экзотический вояж, в который отправляется комфортабельное туристическое судно, оборачивается настоящим кошмаром для всех его пассажиров. Таинственным образом исчезает экипаж корабля, а оставшиеся на борту становятся свидетелями нескольких необъяснимых исчезновений и убийств. Но только Ева знает, что зло имеет вполне конкретные очертания: на борту орудует серийный убийца. Им может оказаться любой из уважаемых участников круиза. Кто? Именно это и предстоит выяснить Еве до того, как следующей жертвой станет она сама...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Платова В., текст, 2017
© Оформление.

ISBN 978-5-04-089593-9

ООО «Издательство «Э», 2017

Володе Танакову, с любовью

*Все события и герои этого романа
вымышлены, любое сходство с реально
существующими людьми случайно.*

Автор

Тот, кто научится молиться,
пусть выходит в море.

*Д. Герберт,
английский поэт*

Часть I

ОХОТНИКИ

...Конечно же, я сразу вспомнила ее лицо.

Иначе и быть не могло, народ должен знать своих героев, тем более таких пикантных. Породистое лицо, растиражированное всеми музыкальными каналами; татуировка, идущая от левого виска к мочке уха, — маленький красно-черный лемур, похожий на полузабытое поджарое божество древних ацтеков. В жизни она была даже привлекательнее, чем на экране, к тому же от нее исходил слабый запах ванили, чуть позже я поняла его происхождение.

Чуть позже.

— Черт возьми, это действительно она! Клио... — шепнул мне на ухо оператор Вадик Лебедев, высоколобый тихушник, подпольный любитель Сартра, Хорхе Луиса Борхеса и съемок на восьмимиллиметровую пленку в стиле мягкого порно. Я и представить себе не могла, что этот неистовый адепт андеграунда следит за траекторией движения поп-звезд. А Клио была именно поп-звездой, любимой игрушкой МТВ и продвинутых

молодежных журналов. Два стильных клипа на исходе осени, бесчисленное количество интервью в середине зимы и, наконец, выступления по элитным ночным клубам двух столиц в самом начале весны. В своих задушевных беседах с журналистами она выглядела не такой клинической дурой, как все остальные обительницы эстрадного Олимпа, во всяком случае, была не прочь продемонстрировать некое подобие осмысленной самоиронии и приблизительное знание теории относительности Эйнштейна.

— Смотри шею не сверни, — посоветовала я оператору Вадику. — Или что-нибудь в этом роде.

«Что-нибудь в этом роде» было явным намеком на хорошо законспирированное мужское достоинство худосочного, подчеркнуто асексуального интеллектуала Вадика Лебедева. И ничего удивительного в этом не было. За поп-звездой Клио водился этот грешок, — как раз в духе отвязной сучки Шарон Стоун, — она умела возбуждать мужское поголовье одним своим присутствием. Даже на невинно-политический вопрос из серии «Как вы относитесь к проблеме этнических меньшинств?» она отвечала так, как будто бы хотела затащить к себе в постель все этнические меньшинства, включая народности тутси и намбиквара. Или не отвечала вовсе, а лишь закидывала ногу на ногу и отсылала назойливых корреспондентов с их назойливыми диктофонами к своему басисту (потрясающе красивому негру, который до встречи с продюсером Клио прозябал в аспирантуре Московского университета). Или к

своему ударнику (потрясающе красивому филиппинцу, который до встречи с продюсером Клио горбатился в каком-то кафе на площади трех вокзалов).

Негр, филиппинец, две мулатки на бэк-вокале, два латиноса на подтанцовках, хорошо обработанная и хорошо поданная этническая музыка, двусмысленные фразочки, двусмысленные тексты, туманные теории о вреде бюстгальтеров, — словом, Клио была та еще штучка. А ее телевизионный флирт со всей страной был лениво-неагрессивен и в то же время так неприкрыт, что она всерьез претендовала на то, чтобы стать последним секс-символом уходящего столетия.

И вот теперь этот секс-символ находился в опасной близости от нас, в зачумленном аэропортишке маленького городка на самом востоке страны, где и слыхом не слыхали о VIP-персонах подобного масштаба. Клио прилетела сюда из Южно-Сахалинска, на частном самолете своего бой-френда, нефтяного магната с такой сомнительной фамилией, что при одном ее упоминании сразу же хотелось схватиться за пистолет. Знающие люди поговаривали, что, помимо постоянно озабоченного перекачкой за рубеж огромных сумм нефтяного магната, Клио спит еще и со всей своей командой, а также с половиной редколлегии модного музыкального журнала «Old Home Movie». Именно этот навороченный журналец для золотой молодежи негласно влиял на все эстрадные чарты в стране. Хотя, объективности ради, нужно было признать, что Клио занимала свои первые места совершенно заслуженно.

Что-то такое в ней было — легкая сумасшедшинка, немного заспанная сексапильность. И даже татуировка на лице ее не портила и казалась вполне естественной.

— ...Ну и телка, мать твою, — не смог сдержаться откомандированный для встречи московской знаменитости старпом Вася. — За один только просмотр нужно деньги брать. Даже зачесалось все.

— Чаще мыться надо, — с непонятной ревностью ответил Вадик и вскинул видеокамеру.

А я подумала о том, что нас ждут веселенькие две недели в открытом море. Если эта сексапилка Клио будет по поводу и без повода шастать по палубам, то мужички перестреляют друг друга из подводомственных карабинов, и рейс сразу же оправдает название экстремального.

...Мы с оператором Вадиком торчали в этом дальневосточном захолустье уже два дня. Пара идиотов-подвижников, рекрутированные малоизвестной туристической фирмой для съемок видового фильма о новом маршруте. Маршрут имел романтическое название «Скорбное безмолвие тюленей» и стоил бешеных денег. Летние каникулы в Швейцарских Альпах, зимние каникулы на Сейшелах и рождественская неделя в Париже на полном пансионе обошлись бы пресытившимся нуворишам гораздо дешевле. А именно на них и был рассчитан весь дерзкий замысел руководителей турфирмы, представившихся нам с оператором Вадиком Лебедевым Петром и Павлом. Почти апостолы, поду-

мала я при первой встрече с ними. Два брата-акробата с глазами проворовавшихся вице-президентов фондовой биржи.

Но красота и изящество замысла поразили меня: долой окультуренную Юго-Восточную Азию и заплыванную туристами старушку Европу, да здравствует Охотское море и прочие задворки исторической Родины. При ближайшем рассмотрении идея Петра и Павла оказалась содранной с кенийского сафари и в их изложении выглядела следующим образом: в маленьком порту желающих принять участие в круизе уже ждет корабль, на котором они отправляются за тюленями (ничего криминального, лицензия на охоту, квоты на отстрел ластоногих и все соответствующие документы уже получены). Больше всего «апостолы» упирали на слово «экстремальный». Экстремальным было время года, выбранное для круиза (апрель в Охотском море изобиловал большим льдом и минусовой температурой); экстремальными были условия пребывания на судне: никаких расслабляющих бассейнов с подогревом на верхней палубе, никакой развлекательной программы до четырех утра, никаких дорогих шлюх с повадками выпускниц психологического факультета, никакого стриптиза — ни мужского, ни женского. Дурно пахнущая корабельная реальность и полное подчинение суровому капитану в свитере из исландской шерсти, из всех прелестей — только охота. Иных увеселений во льдах нет и не будет. Хотя...

Все это выглядело несколько тухловато, но Петр и Павел уверили нас, что в скором времени от желающих отбоя не будет, это ведь не просто отдых, а еще кое-что из области психоанализа, ноу-хау. И первую партию сумасшедших миллионеров-мазохистов ожидают сюрпризики. Да такие, что закачаетесь, господа кинематографисты. Мы над этим проектом полтора года бились, уж вы поверьте, скучать не придется. Раскрывать карты апостолы не стали, пообещав нам, что мы узнаем обо всем на месте. А наша задача — добросовестно зафиксировать все на пленку и по приезде в Москву сочинить десятиминутный рекламный ролик о скорбном безмолвии тюленей. За это Петр с Павлом пообещали нам кругленькую сумму в тысячу долларов на каждое кинематографическое рыло, бесплатный проезд за счет фирмы в оба конца и отдельную каюту на корабле. Перспектива получить тысячу долларов да еще бесплатно полюбоваться на красоты большого льда в конце концов перевесила сомнительное удовольствие провести две недели в обществе стерильного Вадика Лебедева.

И я согласилась.

Вадик тоже согласился. Попробовал бы он не согласиться, — дома его ждали безработная жена («Моя пиранья», — меланхолично называл ее Вадик) и мальчишки-двойняшки, постоянно изводившие папочку жутковатыми просьбами о киндер-сюрпризах.

Перед самым отъездом я встретила в букинистическом на Кузнецком мосту капитана Лапицкого, своего

демона-искусителя. Совершенно случайно. Когда-то давно, в самом начале моей неудавшейся карьеры суперагента, я назначила ему первое деловое свидание именно в этом букинистическом.

— Пожалуй, Москва тесновата для нас двоих, Ева, — заметил Лапицкий, ничуть не удивившись нашей встрече. — Все время сталкиваемся. Как ты?

Я была многим обязана ему. Документы, по которым я жила и с которыми собиралась умереть, были сделаны в его конторе. Царский подарок, вот только приручить меня Лапицкий так и не смог. Или не захотел.

— Пока еще живу. Несмотря ни на что, — исчерпывающий ответ, ничего не скажешь.

— Слышал, ты теперь внедрилась на студию документальных фильмов? Поднимаешь отечественную документалистику?..

— Слышал или знаешь?

— Сдаюсь-сдаюсь. — Он поднял руки, защищаясь. — Конечно, знаю. Вынужден присматривать за тобой, чтобы ты не вляпалась еще в какую-нибудь историю. На твой век их, пожалуй, хватит.

— Я тоже так думаю.

— Может быть, пообедаем как-нибудь? Следующий вторник тебя устроит?

— Увы. В следующий вторник я буду совсем в другом месте. И совсем в другом часовом поясе.

— Подвернулась работенка?

— Что-то вроде того, — мне не хотелось вдаваться в подробности, а фээсбэшник Лапицкий чересчур явно

напоминал о прошлом, от которого я так хотела избавиться.

— Береги себя, — сказал он мне на прощание, сунув под мышку «Опыты» Монтеня 1884 года издания.

Я бежала от него, как бегут с поля боя поверженные войска, теряя на ходу амуницию и походные кружки. В Москве хозяйничал апрель, а в сумочке у меня уже лежал билет на самолет Москва — Южно-Сахалинск с промежуточной посадкой во Владивостоке.

...Встреча на Кузнецком мосту была всего несколько дней назад, и вот теперь мы с Вадиком Лебедевым и старпомом Васей встречали в дальневосточном аэропорту эстрадную диву. Клио была предпоследней в списке из тринадцати человек, согласившихся на авантюру в Охотском море, почему меня не насторожило тогда это число? Наверное, потому, что под номером четырнадцать и пятнадцать шли мы с Вадиком Лебедевым, не пассажиры и не обслуга, промежуточное звено в истории эволюции...

Клио стояла предпоследней в списке, но прилетела последней. Она была восхитительно одинока на трапе частного самолетика в песцовой шубе до пят и солнцезащитных очках, — никакого эскорта, только дорожный баул из хорошей кожи и зачехленное ружье.

...Идея увязаться за старпомом и отснять приезд Клио принадлежала Вадику. Еще никто из прибывших за последние сутки туристов не удостоивался такой чести, хотя их список внушал уважение и мог составить конкуренцию как экономическому форуму

в Давосе, так и воровской сходке авторитетов в предместье Ростова-папы. В числе приглашенных в круиз были управляющий крупного коммерческого банка, преуспевающие бизнесмены с задатками сырьевых королей, парочка типов с явно криминальными подбородками, один известный хоккеист, один политик федерального масштаба, одна иностранка, кажется из Швейцарии. И даже один ребенок.

Девочка лет тринадцати, дочь банкира. Я не успела узнать ее имени, только один раз слышала, как отец называл ее Карпиком. Карпик была откровенно некрасива, и к тому же бедная крошка едва заметно прихрамывала на левую ногу.

Впрочем, у нас еще будет время познакомиться со всеми поближе, две недели в море этому поспособствуют.

Пока я предавалась подобным размышлениям, Клио спустилась с трапа и была тотчас же облаяна двумя аэропортовскими собаками, единственными, кроме нас, свидетелями ее прилета. Встреча поп-звезды прошла на уровне, ничего не скажешь, я даже почувствовала нежность к косматым дворнягам. Впрочем, Клио все сразу же поставила на свои места, подняв с земли камень и запустив им в собак, провинциальное детство научило ее держать стойку. Собаки, поджав хвосты, отправились под ржавеющий вертолет сельхозавиации, а Клио наконец-то обратила свой взор на встречающих.

— Эй, беби, — повелительно сказала она Вадику, — греби-ка сюда.